

А. И. Попович

АКАФИСТ И ПОХВАЛА КНЯЗЬЯМ БОРИСУ И ГЛЕБУ И ЦАРЕВИЧАМ ДИМИТРИЮ И АЛЕКСИЮ: ТЕМА ДЕТСКОЙ ЖЕРТВЫ И ЗАЩИТЫ ОТЕЧЕСТВА

В статье произведен сравнительный анализ разновременных текстов, принадлежащих традиции «похвальной» церковной литературы и связанных одной темой — жертвенной смерти царственного ребенка. На его основании выявляется глубинное семантическое родство текстов-похвал святым Борису и Глебу, Димитрию Угличскому и Алексию Николаевичу Романову. Предпринята также попытка проследить развитие жанра акафиста и сформулировать специфику реализации внутри него конкретного тематического комплекса.

Ключевые слова: *детская жертва, акафист, похвальное слово, святые Борис и Глеб, святой Димитрий Угличский, святой Алексей Николаевич.*

Необходимость осмысления жанрового своеобразие церковных текстов «похвального» назначения — акафистов, традиция которых во многом перекликается с традицией похвальных слов — зачастую мешает понять их нежанровое своеобразие. Специфика акафиста или похвального слова во многом выражена формально — в небольшом размере и содержательно — в строго определенной теме¹. Однако похожесть одних текстов на другие свидетельствует не только об их жанровом родстве, а наполнение жанра не всегда служит его назначению.

Важны как наполнение акафиста тем или иным содержанием, так и предпосылки обращения жанра к новым материалам², в отдельных случаях подразумевающего под собой актуализацию

¹ Наиболее полным на сегодняшний день исследованием акафиста как жанра является монография: Людоговский Ф. Б. Структура и поэтика церковнославянских акафистов. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2015. 352 с.

² Интересное исследование акафиста в философско-культурологическом аспекте представлено в работе: Давыдов И. П. Православный акафист русским святым (религиоведческий анализ). Благовещенск: Библиотека журнала «Религиоведение», 2004. 216 с.

известных семантических комплексов в тексте без ущерба общему назначению жанра.

В религиозном контексте чрезвычайно актуальна тема жертвоприношения. Для русского религиозного сознания отправной точкой для нее стал Борисоглебский культ с его темой вольной жертвы, не раз интерпретированной применительно к почитанию этих святых. Однако самопожертвование Бориса и Глеба часто заслоняет собой другой не менее важный концепт — детскую жертву.

Хотя князей Бориса и Глеба нельзя назвать детьми в полном смысле этого слова, выделение в христианстве таких качеств, как непорочность, незлобивость и молодость, которые на мифопоэтическом уровне соотносятся с образами растительности³ и темой весеннего расцвета природы, приводит к образам детства. Внутри традиции жертвоприношений нельзя не вспомнить требование молодости и непорочности жертвенного животного. В христианской же традиции Христос выступает заместителем кровавых жертвоприношений, а Его образ — непорочный агнец.

Сюжет детской жертвы архетипичен: невинность жертвы, ее по-детски чистый взгляд на мир и неспособность сопротивляться насилию невольно заставляет воспринимать такую смерть как исключительное, ничем не оправдываемое злодеяние, укладывающееся в категорию абсурдного. В культе Бориса и Глеба (и не только) этот сюжет осложнен их княжеским происхождением, вносящим в его семантику утверждающую роль в отношении русского государства⁴.

Тем показательнее, каким образом создатели агиографических произведений справляются с подобным сюжетом, возводя его к прецеденту святости. Для того чтобы понять своеобразие этого сюжета и попытаться описать его внутреннюю жизнь необходимо обратиться к еще двум персоналиям, продолжающим линию Бориса и Глеба: царевича Димитрия Угличского и цесаревича Алексея Николаевича.

³ Ср. слова Глеба в «Сказании...»: «Не порѣжете лозы, не до коньца въздратьша, а плодъ имуща».

⁴ Ср., напр., свидетельства умерщвлений царя или его детей, преследующих разные цели: Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии / пер. с англ. М. К. Рыклина. М.: Политиздат, 1980. 832 с.

ча (Романова). Целесообразность такого сравнения очевидна, три текстовых комплекса, так или иначе, имплицитно перекликаются друг с другом: если Димитрий сравнивается с Борисом и Глебом, то Алексей — со всеми ними.

Среди памятников Борисоглебского цикла XI–XII вв. нет акафистов в жанровом определении, однако есть похвальные слова, законченный фрагмент из «Сказания, и страсти, и похвалы...» — своеобразное похвальное слово. Также необходимо обратиться к текстам церковных служб: наиболее интересна служба, составленная Киевским митрополитом Иоанном I⁵. К житию Димитрия Угличского во многих списках примыкает «Слово похвальное благоверному царевичу Димитрию...», в одной из частей которого даже употребляется характерный для акафистов хайретизм «**радоуиса**»⁶. Что касается акафистов, посвященных Алексею, то ввиду отсутствия сегодня официально принятой версии выбран наиболее выразительный в художественном отношении вариант⁷.

Продуктивно сопоставление текстов о Борисе и Глебе и о царевиче Димитрии⁸:

⁵ Все памятники Борисоглебского цикла цит. по изд.: *Абрамович Д. И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Петроград: Отд-ние рус. яз. и словесности Акад. наук, 1916. XXIII+205 с.

⁶ Для анализа были выбраны два близких списка «Слова...»: РГБ. Ф. 37. Рук. 1. Л. 224–231; Свято-Троицкая Сергиева лавра. Ф. 304.1. Миней Четья. Л. 475–483. При передаче рукописного текста «а йотированная» была заменена на «я», «ук» на «оу», «шта» на «щ»; остальным буквам были найдены соответствия в современной кириллице.

⁷ Акафист святому благоверному мученику царевичу Алексею (с предисловием) // Сайт «Покаяние». URL: <http://www.pokaianie.ru/article/prayer/read/14973> (дата обращения: 12.12.2017).

⁸ Ср. фразу в «Слове...» Димитрию: «радоуиса сродникамъ своимъ Борисоу и Глѣбу собесѣднице» (РГБ. Ф. 37. Рук. 1. Л. 230 об.).

Борисоглебский цикл	«Слово ... Димитрию...»
«измлада Христа възлюбивъши ⁹ купно, брата честнаа, и жизнь не старостьную възлюбивъши, славная» ¹⁰ «тѣмъ и Давыда заклаша, — яко агня незлобиво приведеса на жьртву, — и въсприяста веньця вычьныя отъ Христа Бога» ¹¹	«послѣди же яко агнецъ заколеніемъ приведеса Хоу, Его же измлада възлюби, и ѿ Него велико прія мздовзданіе, и свѣтлы вьнца побѣды» ¹² «влка ѿ раба заколеніе прія. Осмолътенъ агнецъ, таинѣ и трапезѣ, заколеніемъ прележи смрти» ¹³
«яко благоплодовитаго винограда от- расли добродѣтели суще» ¹⁴	«истиннаго винограда гроздѣ ... мѣнкѣ достохвалнымъ Димитріе» ¹⁵
«събрала еста мученика, таку приимъ- ша за Христа страсть, тоиже стра- сти послѣдуеа» ¹⁶ «младѣ убо тѣломъ, душама же купно святая, яко благочестива» ¹⁷	«яко Тебѣ ради оумерицаеми есмы весь днѣ. Вмѣнихомса яко вѣща законію ... иже ѿ оческихъ чреслъ произыде ... по- страда яко добръ воинъ Хвѣ» ¹⁸
«по истинѣ вы цесаря цесаремъ и кня- зя княземъ, ибо ваю пособиемъ и зашщениемъ князи наши противу встающая държавьно побѣжаютъ... Вы бо тѣмъ и намъ оружие, земля Русь- ская забрала и утвържение и меча обо- юду остра» ¹⁹ «блажена бо есть земля, напившиися кро- ви вашее, и свята бысть церкви, при- немши телѣса ваша» ²⁰	«воиномъ шроужіе непобѣдимое црвю хранителя ... мироу оутверженіе» ²¹ «твердое шснованіе градоу своему» ²²

⁹ Здесь и далее курсив наш — А. П.¹⁰ Абрамович Д. И. Жития... С. 136.¹¹ Там же. С. 145.¹² РГБ. Ф. 37. Рук. 1. Л. 225.¹³ Там же. Л. 227 об.¹⁴ Абрамович Д. И. Жития... С. 155.¹⁵ РГБ. Ф. 37. Рук. 1. Л. 226 об.¹⁶ Абрамович Д. И. Жития... С. 144.¹⁷ Там же. С. 139.¹⁸ РГБ. Ф. 37. Рук. 1. Л. 225.¹⁹ Абрамович Д. И. Жития... С. 49.²⁰ Там же. С. 189.²¹ РГБ. Ф. 37. Рук. 1. Л. 227.²² Там же. Л. 230 об.

«въторый Селунь явися въ Русьскѣ земли» ²³ «чистымъ сердцемъ и душою съвършеною, <i>страстотерпца</i> Романа и <i>славнааго</i> и <i>кроткаго</i> Давыда» ²⁴	«тезоименитый страдалецъ <i>бл҃гоцѣливый</i> мѣнкъ <i>цр҃вичь</i> Димитріе. Яко новорожденъ млнцъ, нешкверненъ плотскими похотьми <i>словесное</i> и нешкверное <i>млеко возлюбилъ</i> , яко да о немъ <i>возрасѣ сїсненіе</i> » ²⁵
«чюдо преславно велие, како вѣмѣстися въ утробу твою Богъ, никакоже невѣмѣстимыи» ²⁶	«источниче неисчерпаемыхъ чюдесъ» ²⁷

Из этого сопоставления видно, что и Борис и Глеб, и Димитрий соотносятся с темой жертвы-младенца и Иисуса Христа. К свойствам такой жертвы книжники традиционно относят: непорочность, незлобивость, безвинную смерть, молодость и сопутствующую ей чистоту души, образный комплекс агнца (овцы) и далее Христа, уподобление последнему (отсюда образ винограда) и непротивление насилию. Не менее важна тема заступничества за Русскую землю, ее святости, обеспеченной страстотерпческой смертью и благородным происхождением, и военного покровительства святых (отсюда сопоставление с Димитрием Солунским) — актуализация этой темы чрезвычайно характерна для беспокойных времен междоусобицы и Смуты. Необходимо обратить внимание и на то, что для этих святых крайне важен элемент чудотворства — он неоднократно подчеркивается в доказательство святости.

В отличие от Борисоглебских памятников в «Слове...» Димитрию не столь явно подчеркивается жертвенная основа прославления, хотя нельзя сказать, что ее нет. Интересно в данном ключе наблюдение, что в иконописной традиции «Шестоднева с избранными святыми на полях» убийство Димитрия обычно помещается под изображением избитых Вифлеемских младенцев и соотносится

²³ Абрамович Д. И. Жития... С. 50.

²⁴ Там же. С. 137.

²⁵ РГБ. Ф. 37. Рук. 1. Л. 224 об.

²⁶ Абрамович Д. И. Жития... С. 149.

²⁷ РГБ. Ф. 37. Рук. 1. Л. 230 об.

с сюжетом «Поклонение жертве»²⁸, что подчеркивает идею жертвенной детской смерти²⁹.

В свою очередь, поэтика акафиста Алексею во многом объясняется не только хронологической отдаленностью от событий гибели Царской семьи, но и семантической близостью к тем смыслам, которые закладывались в культы Бориса и Глеба или царевича Димитрия. Акафист Алексею принадлежит современной акафистной традиции, во многом движущейся к субъективной организации текста и осваивающей роль жанра массовой литературы³⁰.

Динамичное развитие жанра акафиста позволило ему продуктивно освоить наличествующую традицию в создании образной системы, актуализировать необходимые смыслы с опорой на историческую память. Фактически акафист цесаревичу Алексею использует все доступные ему средства в создании образа жертвенного агнца и существенно развивает тему Бориса и Глеба и Димитрия. Создатели акафистов по-своему определяют, что было заимствовано в образе Алексея: «Радуйся, святым князьям-страстотерпцам Борису и Глебу в прощении врагов своих подражавый..., убиенному царевичу Димитрию Угличскому кротостию и незлобием подобный»³¹.

«Святое *отроча*, любовию ко Господу исполненное..., наследниче царственного отца твоего..., солдат российских на подвиги ратные вдохновлявший..., в любви к земле Свято-Русстей наш кроткий наставниче..., страдании своими Господу, на Кресте за нас распятому, уподобивыйся..., крестный путь земли Свято-Русския своими страданиями освятивый..., жертво непорочная за землю Свято-Русскую..., чистое и непорочное жертвенное отроча, жертвенной любви нас научающее..., агнце кроткий, жертвою чистою за нас Господеви принесенный»³² — таков неполный список тех свойств, которые приписываются смерти цесаревича Алексея. В этом акафисте

²⁸ Сюжет редкий, но важный не только для понимания таинства Евхаристии, но и для осмысления Жертвы Христа в связи с младенческой жертвой.

²⁹ Димитрий Иоаннович // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 15. С. 132–146.

³⁰ См., напр.: Чуркин А. А. Русский акафист середины XIX — начала XX века, как жанр массовой литературы // Мат-лы XXXVI Междунар. филолог. конф. 12–17 марта 2007 г. / под ред. А. О. Большева. СПб.: СПбГУ. Т. 21. С. 23–33.

³¹ Акафист святому благоверному мученику царевичу Алексею...

³² Там же.

происходит полная реализация жертвенного комплекса, за исключением упоминания чудес.

Сложно сказать, является ли жертвенная основа проявлением догматического отношения к святости, созидającego культурного значения жертвоприношения или свидетельством эмоционального выбора создателей текста — вероятно, всем одновременно. Кровавый по своей природе жертвенный комплекс парадоксально отвечает потребностям времени, личности и т. д., отчасти религиозной эмоциональной культуры, продуктивно отзывающейся на архетипически ужасающий сюжет.

Думается, развитие жанра акафиста подчинено не столько общему развитию церковной литературы, сколько возможности наращивания и поддержания смыслов вокруг одного тематического комплекса — в данном случае сюжета жертвы в убиении царственного ребенка. Внутри жанра выстраивается человеческая история через обращение к трагическим судьбам царственных страстотерпцев. Обращение это немыслимо без воссоздания жертвенного комплекса и образной системы агнца, заместителем которого выступил Христос.

Рассмотренные акафисты и похвальные слова не столько являются порождением своей эпохи, сколько выражают надысторическое предельно концентрированное, но полисемантическое значение, находясь на стыке общекультурного и индивидуально-эмоционального планов.